

МИХАЙЛОВ
ЦАРЕГОРОДЦЕВ

З
За порогом
СОЗНАНИЯ
/

Ф. МИХАЙЛОВ, Г. ЦАРЕГОРОДЦЕВ

За порогом СОЗНАНИЯ

КРИТИЧЕСКИЙ ОЧЕРК ФРЕЙДИЗМА

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Москва · 1961

Фрейдизм — современное широко распространенное в буржуазных странах идеологическое и философское течение. С фрейдистской точки зрения, в жизни людей все определяется непознаваемыми силами, находящимися за порогом сознания: из темных глубин психики управляет человеком и обществом Оно — змеинный клубок необузданных страстей, животных инстинктов и бессознательных влечений. Фантастическими рассказами о внутренних психических конфликтах фрейдисты отвлекают человека от жгучих проблем современности. Они сосредоточивают внимание на индивидуальных «бессознательных влечениях», предлагая считать все пороки капиталистического общества естественным и неизбежным следствием психической организации личности.

Авторы брошюры знакомят читателя с основными положениями фрейдизма, показывают закономерность возникновения этой мифологической теории в буржуазном обществе и дают ей всестороннюю критическую оценку с позиций марксистской философии. Брошюра рассчитана на широкие круги читателей.

«Вместо введения», 1, 2 и 3-я главы написаны Ф. Т. Михайловым, 4-я глава и «Заключение» — Г. И. Царегородцевым.

ВМЕСТО ВВЕДЕНИЯ

На приеме у врача-психоаналитика

Представим себе, как ведет врач-психоаналитик прием пациентов. Больной сидит в кресле. Поза его свободная и покойная. Тело неподвижно и расслаблено. Он как бы предоставлен самому себе. Неторопливо рассказывает он врачу все, что в данный момент приходит ему в голову. Одни воспоминания следуют за другими, вызывая все новые и новые образы...

«Не скрывайте ничего,— предупреждает его врач.— Самые интимные стороны жизни, и ваши желания, и ваши надежды — все должно всплыть на поверхность сознания. И никакого самоконтроля! Если что-нибудь вам захочется обойти, сохранить в тайниках памяти, если что-нибудь вам покажется «неинтересным» и «неважным», тем более расскажите об этом. Пусть ваши мысли, представления, образы воспоминаний льются свободным потоком. Только в таком случае я смогу помочь вам. Еще раз прошу: говорите, говорите непременно обо всем и до конца».

И больной говорит... Но что здесь, собственно, необычного? С любым врачом приходится быть откровенным. Перед врачом больной обнажает свое тело, и даже самые сокровенные и интимные переживания должны иногда стать в кабинете врача предметом беседы. И в этом смысле обстановка во время психоаналитического сеанса как будто бы самая обычная. Можно понять и то, почему врач располагается так, чтобы больной его не видел: не видя реакции, которую нельзя не заметить даже на самом бесстрастном лице,

больной откровеннее, свободнее «обнажает душу». В подобной откровенности, видимо, есть необходимость: пациенту трудно избавиться от определенных навязчивых мыслей или, может быть, жестов и т. п. Навязчивость, беспричинное повторение, например, совершенно бессмысленного жеста беспокоят его. Он чувствует себя неполноценным, непохожим на других. Что же привело его к подобному заболеванию? Физической травмы не было. Не было в его жизни и чего-то особенного, значительных неприятностей, горя. Все как у всех. Но вот... этот бессмысленный и глупый жест! Все на свете имеет причину. Есть причина и у данного заболевания. Именно ее и ищет врач. Но он убежден в том, что в этом случае не поможет ни анализ крови, ни рентген. С его точки зрения, причина заболевания — непосредственно в *психике* пациента. И врач ищет ее при помощи анализа «души», психики, при помощи *психоанализа*.

О «душе» и теле

Можно ли рассматривать психику (больную или здоровую) как нечто совершенно самостоятельное, независимое от организма, от тела? Вот так перед нами встает вопрос о соотношении «души» и тела, вопрос философский, мировоззренческий.

Нам с самого начала хочется сказать, что конечно же нельзя отрывать «душу» от тела. Потому и при лечении психических заболеваний нельзя отказываться от физиологических исследований. Более того, раз мы считаем, что сознание — это функция мозга, то и причины нарушения нормальных процессов в сознании надо искать в нарушении процессов телесных. Однако психоаналитик обратит наше внимание на обычные явления повседневной жизни, которые как будто противоречат только что сказанному. Например, вы поймали себя на том, что вот уже в течение некоторого времени напеваете мелодию марша из «Фауста». Продолжая заниматься своим делом, вы в полголоса старательно ее воспроизводите. Но через несколько минут с удивлением обнаруживаете, что теперь в вашем сознании звучит мелодия другого марша — марша из «Арлезианки». В чем дело? Может быть,

изменился состав крови или ваш организм претерпел какие-нибудь другие физиологические изменения? Что ж, возможно. Но установить это было бы делом чрезвычайно сложным. Простое же воспоминание событий прошлого легко может рассеять ваше недоумение. Вы вспомните, что всегда, когда у вас было хорошее, бодрое, задорное настроение, мелодии Гуно либо Бизе звучали в вашем сознании. И вы признаетесь: «Оба марша всегда для меня выражали один строй чувств, одно настроение». И так как вы нашли причину «взаимозаменяемости» данных мелодий в том *определенном значении, в том смысле*, который они для вас имеют, отпадает необходимость в сверхточном физиологическом анализе мозга.

Или еще пример: школьник решает задачу. Он долго бьется над ней, часто заглядывает в «ответ», пробует и так и этак складывать, делить, умножать непослушные цифры. И вдруг он неожиданно понял, почему надо *это* умножить, а *то* вычесть. Он понял смысл задачи, и результат его усилий наконец совпал с ответом. Чем объяснить, что наш школьник понял смысл задачи? Может быть, в его теле... Но зачем нам говорить опять о теле, о физиологии! Мысль ребенка работала над *содержанием* задачи, над *смыслом*, который вложил в нее автор. И раскрытый, понятый наконец смысл привел сам к тому, что задача была решена. Причина опять не вышла за рамки сознания: то, что ученик не понимал задачи, и то, что он потом ее понял, говорит о его *знаниях*, навыках и тому подобных явлениях, которые обычно называются психическими.

И если мы можем в таких простых, обыденных фактах не прибегать к помощи физиологических исследований, а совершенно удовлетворительно объяснять их «чисто психическими», смысловыми причинами, так что же особенного в том, что врач-психоаналитик пытается найти психическую причину у некоторых душевных заболеваний?

И вот тут-то психоаналитик скажет нам, что между психическими и телесными процессами не такая уж тесная связь, как это казалось медикам-материалистам. Причины всех психических явлений — в психике, причины всех физиологических изменений — в физио-

логии. В таком случае, может быть, психическое и физиологическое существуют параллельно? Так и считают сторонники так называемого *психофизического параллелизма*. Врач-психоаналитик идет гораздо дальше. Нетрудно заметить, подсказывает он нам, что жизнедеятельность человека, его поступки подчиняются тем или иным сознательным или бессознательным решениям, его воле и тому подобным психическим процессам. И если верно, что в здоровом теле — здоровый дух, то не менее верно и то, что часто в теле нездоровом властно господствует здоровый дух. И разве не случается, что мнительность, беспричинное беспокойство о своем здоровье приводит человека к настоящему заболеванию. То, что душевные процессы легко становятся причинами телесных изменений, известно всем. Например, если во время гипнотического сеанса испытуемому сказать, что пятак, который приложили к его обнаженной руке, раскален докрасна, то под влиянием смысла этих слов рука распухнет, и ожог второй степени (от холодной на самом деле монеты) докажет всем сомневающимся, как могут влиять на тело «чисто психические» причины. Следовательно, делает вывод врач-психоаналитик, мы видим не параллельное сосуществование, а единство психического и физиологического, в котором активную, главную роль играет психическое, и именно оно определяет все физиологические изменения в организме человека. Такая точка зрения называется *психосоматикой* (сома — тело). В человеке, утверждают психосоматики, все материальное, телесное зависит в конечном счете от психического, от идеального. Идеалистический смысл подобных выводов предельно ясен.

Итак, врач-психоаналитик потому ищет *только* психическую причину психического заболевания, что он убежден в том, будто психическое — самостоятельное начало в организме и играет главную роль во всех телесных изменениях.

Другая «крайность»

«Тело подчиняется душе? Ну знаете ли!..» — слышим мы другой голос. И на этот раз голос может принадлежать врачу или любому другому естественнику,

например физику. Главное, что этот голос принадлежит горячему стороннику, убежденному защитнику взгляда на психическое, на «душу» как на явление материальное. «Ведь сама «душа» — это физиологические процессы в коре головного мозга! — говорит он. — Успехи современной физиологии позволяют надеяться на то, что очень скоро мы сможем наконец показать, как каждая мысль, каждое душевное движение обусловлено и вызвано биохимическими, электрическими и физиологическими процессами». Так, с некоторой долей добродушной иронии, за которой, однако, чувствуется глубокая убежденность в способности науки объяснить мышление и другие психические процессы при помощи электрофизиологических механизмов, английский физик Д. Томсон пишет:

«Интересно было бы, скажем, посмотреть, перенесет ли жгучий национализм даже самое грубое понимание процесса, *его порождающего, который представляет собой функционирование электрической цепи* (подчеркнуто нами.— Ф. М. и Г. Ц.)... Может оказаться трудным сохранять верность принципам, если их можно будет представить с большим или меньшим правдоподобием в виде обыкновенной, пусть даже сложной, электрической блок-схемы... Как будут выглядеть искусство, религия, патриотизм, гуманизм, когда мы будем знать, какие контуры и в какой последовательности возбуждаются в мозгу человека, ощущающего эти эмоции?»¹.

Итак, национализм, патриотизм, гуманизм, искусство и все принципы, которым человек хранит верность, оказываются под угрозой! Выходит, новейшие научные открытия в области работы головного мозга могут привести к тому, что люди перестанут ценить эти «эмоции», так как узнают, что они порождаются биоэлектрическими и физиологическими процессами и сами есть не что иное, как определенным образом работающая блок-схема. Люди, следовательно, будут рассуждать так: «За что любить мне родину, если не она, а электрические процессы в моем мозгу вызывают патриотические чувства?» Точно так же, видимо,

¹ Д. Томсон, Предвидимое будущее, Изд. иностр. лит., 1958, стр. 165—166.

работа контуров блок-схемы мозга привела к тому, что некоторые народы стали испытывать «эмоции национализма, патриотизма» и поднялись на борьбу с колониальным рабством.

Однако попробуйте-ка сообщить сейчас любому борцу за дело освобождения народа, что его мысли о национальном достоинстве, которое так долго было унижено, есть всего-навсего определенное движение биотоков мозга. «Это очень интересно,— услышите вы в ответ,— но я все-таки буду бороться до тех пор, пока моя страна, мой народ не избавятся от фактического унижения и эксплуатации». Да, «жгучий национализм» угнетенных наций переживет любое открытие в области физиологии. Борьба против колонизаторов вызвана не биологической организацией представителей колониальных народов, а бесчеловечной политикой империализма, эксплуатацией и ее следствием — нищетой. И не в результате достижений физиологии, а только с победой коммунизма во всех странах, тогда, когда люди будут жить, как говорил Маяковский, «единым человеческим общежитием», отомрут и исчезнут и патриотизм, и национализм, и некоторые другие общественные чувства.

«Материализм» же, сводящий психическое к физиологическому, идеальное к материальному, неожиданно и легко превращается в свою противоположность. Ведь теперь мы видим, что причиной смысла наших переживаний не являются ни «контур»ы, ни «блок-схемы». И как бы детально ни исследовали мы «электрическую цепь» коры головного мозга, мы не найдем там *содержания* наших мыслей и чувств, точно так же как и при самом тщательном анализе электрической цепи, контуров и т. п. в радиоприемнике мы не обнаружим ни мелодии, ни речи. И в том и в другом случае мы будем иметь дело только с электрическими и другими чисто материальными процессами. И вот тут-то кто-нибудь из наших «материалистов», сводивших все психическое к материи мозга, вынужден будет сказать: «Да, теперь мы убедились в том, что мысль вообще не связана с физиологией мозга. Мы видим теперь, что одно дело — материальные, физиологические процессы, и совершенно другое — мысль, какое-то особое, чисто психическое явление». Так вульгарные

материалисты с завидной последовательностью перейдут на позиции психофизического параллелизма, а затем и прямого идеализма. И будут считать при этом, что именно наука привела их к идеалистическим выводам! Точное научное исследование показало, мол, что психическое не сводится к физиологическому, материальному. Наука якобы доказала первородность и независимость идеальной мысли от материи. Содержание, смысл наших знаний и чувств будет выводиться опять-таки из какого-нибудь подновленного идеального источника, за которым скрывается старенький-старенький боженька.

Таковы две крайности в оценке взаимоотношения «души» и тела. И, как мы видим, эти крайности сходятся. Идеалистическое утверждение гегемонии «души» и вульгарно-материалистическое сведение психического к физиологическому в конечном счете сливаются в одном выводе: психическое нельзя объяснить физиологией, поэтому... оно самостоятельно, независимо, в самом себе содержит свою причину, поэтому оно первично.

Так как на протяжении всего рассказа о фрейдизме мы будем связаны с вопросом о соотношении психического и физиологического, «души» и тела, и более широко с вопросом о соотношении сознания и материи — основным вопросом философии, то мы и сочли необходимым познакомить читателя с этими двумя «противоположными» попытками его решения. Очень скоро мы убедимся, насколько важным было подобное знакомство с «решительным» отождествлением психического с физиологическим, так же как и с основным «козырем» психоанализа: причины всех проявлений жизнедеятельности человека — только в его же психике. Хотелось бы обратить внимание читателя на то, что и вульгарные материалисты и психоаналитики во взаимоотношении «души» и тела *изолированно рассматриваемой личности* пытаются найти ответ на основной вопрос философии. «Душа» ли сводится к телесным процессам, телесные ли процессы объявляются полностью зависящими от «души» — и в том и в другом случае утверждается возможность исчерпывающего изучения «души», психического, сознания как естественного, природного, биологического свой-

ства каждого отдельного представителя человеческого рода. На это последнее обстоятельство мы просим обратить особое внимание. И еще одно предварительное замечание.

Частный вопрос медицины и мировоззрение

Мы начали наш разговор с весьма конкретного вопроса: может ли психическое расстройство быть вызвано чисто психическими причинами. Проблема заведомо медицинская. Но затем мы как-то незаметно дошли до основного вопроса философии, до соотношения материального и идеального, и даже пришлось нам все упомянуть господа бога. Возникла необходимость задуматься над тем, определяет или не определяет физиология содержание психических процессов, а тем самым мы заговорили о природе и сущности человеческого сознания.

И это не случайно. Любой методологический вопрос естествознания требует философского осмысления. А как философия решает эту задачу, зависит не только от той или иной логики научных фактов, не только от эрудиции и таланта философа. Определенное направление в решении будет прежде всего зависеть от исходных мировоззренческих установок, в свою очередь обусловленных в классовом обществе тем, с какими общественными силами кровно связан ученый: заинтересован ли он в решительном преобразовании устаревшего, прогнившего общественного порядка, мешающего и познанию, или же его идеалы не поднимаются над уровнем либеральной «эмоциональной оппозиции» в процессе приспособления к этому порядку, или же он в слепой злобе борется против всего прогрессивного, научного и революционного.

И хотел бы иной ученый быть совершенно объективным служителем «чистой науки», но ведь именно наука ставит перед ним философские, мировоззренческие вопросы, а решить их он не может, не присоединяясь в силу своих, часто стихийных идеологических симпатий и антипатий к той или иной философской партии. И многие естественники Запада (да и не только естественники!) именно потому, что марксизм для них «слишком революционное»

учение, стремятся иначе, «не по Марксу», «объективнее», т. е., в конце концов, приспособительно, решить то, что уже глубоко научно решено марксизмом. И блуждая окольными путями, вкривь и вкось перетолковывая факты, начинают они лить воду на мельницу идеализма и религиозного мракобесия.

Да, неразрывные узы связывают классовое сознание, философию и так называемые конкретные науки! Вот и в нашем случае частный вопрос медицины — как лечить больного — вызвал сложное философское раздумье. И приведет ли оно к чему-нибудь и к чему конкретно — это уже будет зависеть не от самого «медицинского факта», а от мировоззренческих и методологических установок, которыми обладает тот, кто возьмется ответить на вопрос, поставленный медициной.

Сейчас мы собираемся рассказать о том, как естественник, представитель конкретной науки, врач Зигмунд Фрейд (1856—1939) превращался в философа, в идеолога доживающего свои дни буржуазного общества. Фрейд начинал свою деятельность с конкретных, частных вопросов медицины. А теперь идеями фрейдовского психоанализа (фрейдизма) за рубежом пронизаны социология и философия, психология и этика, эстетика и само буржуазное искусство, не говоря уже о теории и практике психиатрии и неврологии. С помощью фрейдистских теорий философы пытаются решить основной вопрос философии и раскрыть пути познания, социологи — оправдать эксплуатацию и войны, даже церковники, прокляв атеиста Фрейда, пытаются доказать вечность религии и бытие божье с помощью фрейдовского «анализа» человеческой души. Теперь фрейдизм — это мировоззрение, философская система, кредо целой армии идеологов Запада.

И нам надо знать, как возник фрейдизм, что он собой представляет, чтобы вступить с ним в открытую борьбу, борьбу за полное освобождение человеческого сознания от всевозможных индивидуалистических предрассудков буржуазной псевдонауки.

1. У ИСТОКОВ ФРЕЙДИЗМА

Первые шаги психоанализа

Фрейд ищет причину невроза. «Случай Анны О.» приводит Фрейда к выводу: у человека могут возникнуть желания, удовлетворение которых при данных обстоятельствах невозможно. Поэтому сам смысл желания *вытесняется* из области сознания. Человек уже не знает, чего же именно ему хочется. Но желание не пропадает бесследно. Его энергия (психическая энергия) оказывает мощное влияние на нормальный строй психики человека. Появляются симптомы невроза. Травма от «совращения в детстве». Первый кризис психоанализа.

Мы не биографы Фрейда. Не нам восстанавливать шаг за шагом жизнь творца психоанализа. Но некоторые биографические сведения помогут проследить путь, которым шел один из ученых-естественников к созданию «нового вероучения», как называл И. П. Павлов фрейдовскую философию.

Еще в школьные годы Фрейд познакомился с учением Дарвина, и, может быть, под влиянием эволюционной теории у него созрело непоколебимое решение стать ученым-натуралистом. Фрейд упорно овладевает знаниями, успешно изучает языки, планомерно готовит себя к научной карьере. Но Фрейд был еврей. А в буржуазной Австрии еврей мог выбирать только одну из трех профессий. Он мог быть либо юристом, либо коммерсантом, либо врачом. И хотя медицина совершенно не привлекала Фрейда, он вынужден был в 1873 г. поступить на медицинский факультет Венского университета. Только через восемь лет Фрейд

получил ученую степень, без особой охоты занимаясь медициной. Его больше влекла к себе физиология. Многие годы отдал этой перспективной науке молодой ученый, и его первые работы в этой области обратили на себя внимание.

Позже Фрейд работал в психиатрической клинике Теодора Майнерта. Но практическое врачевание ему было не по душе. Фрейд был доволен лишь тем, что в клинике имелась возможность проводить физиологические исследования. Так случилось, что в одном лице соединились физиолог и психиатр, что определило впоследствии острую постановку вопроса о взаимоотношении «чисто психических» явлений с физиологическими процессами. И очень скоро этот вопрос встал перед Фрейдом. В возрасте 29 лет он прошел по конкурсу на место приват-доцента по неврологии Венского университета. Четыре с половиной месяца провел Фрейд в Париже у знаменитого Шарко — профессора патологической анатомии медицинского факультета Парижского университета и директора неврологической клиники в Сальпетриере. Профессор Шарко в это время исследовал душевные заболевания, которые вызывались не какими-либо явными органическими, телесными повреждениями, а совершенно неизвестными тогда причинами. Сейчас можно смело сказать, что месяцы, проведенные в клинике Шарко, сыграли решающую роль в творческой биографии Фрейда: молодой врач увлекся неврозами, «не имевшими физиологической причины». Каким образом у человека появляются серьезные нарушения деятельности организма при истерическом параличе¹, если

¹ *Истерия* — нервно-психическое заболевание, которое проявляется в более или менее постоянных особенностях психического склада личности (повышенная чувствительность, эмоциональность, неуравновешенность, быстрая смена настроений и т. п.) с временными нарушениями телесных функций. Больной-истерик легко поддается внушению и самовнушению, которое может приводить и к явным телесным изменениям. (Так, например, если истеричка внушит себе, что она беременна, то у нее появятся и внешние физиологические признаки беременности.) Телесные изменения («стигмы») могут появиться и при незначительных волнениях, испугах, ушибах и т. п., но часто возникают и без непосредственного внешнего повода, только под влиянием психических переживаний, смены настроения, самочувствия... Причем в этих случаях

никакого повреждения тела не наблюдается? Высший авторитет в области неврологии — Шарко — не мог разрешить сомнений Фрейда. «Динамическая травма» — травма-невидимка — так классифицировал Шарк причину истерического паралича. Вернувшись в Вену Фрейд стал принимать больных в своем кабинете как специалист по нервным болезням. Однако его терапевтические успехи оставляли желать много лучшего. Сама практика продолжала ставить перед врачом тот же большой теоретический вопрос: ведь значительная часть больных Фрейда приходила к нему на прием без каких-либо жалоб на физическое состояние организма. Это были больные люди, но ни каких физиологических заболеваний и нарушений у них не было. Не зная причин заболевания, Фрейд не мог оказать им действенную помощь. Поэтому его интерес к проблеме неврозов продолжал возрастать.

Внимание Фрейда привлекла книга Бернгейма «Внушение и его применение в качестве терапии». Фрейд увлекается теорией и практикой гипноза. К гипнозу в то время в научных кругах было, мягко говоря, недоверчивое отношение. Мистический ореол окружал «магнетизм» — гипнотическое внушение. Две французские школы (в Нанси и Париже) в своих исследованиях гипноза прибегали часто к столь сомнительным объяснениям, что остальной научный мир иначе, как скептически, не мог относиться к возможности практического применения гипноза. Но Фрейд, изверившийся в «обычных» медицинских методах лечения неврозов, сразу решил испытать гипнотическое внушение. И его первые результаты превзошли самые смелые ожидания. По Вене стал распространяться слух о Фрейде-чудотворце. Но «чудотворец» ждал не чудес, а научного объяснения причины неврозов. Гипноз не был средством, направленным против самой *причины* заболевания, он не прояснил положения. Я нашел, рассказывал Фрейд своим слушателям много лет спустя, что гипноз мешал понять истин-

никогда не удастся обнаружить какие-либо болезненные нарушения органов, что особенно вызывало недоумение во времена Фрейда. Вот такими телесными нарушениями могут быть двигательные расстройства, так называемые истерические параличи.

ную причину заболевания. По сути дела, Фрейд хорошо видел, что гипнотическое внушение, которому, кстати, подвергались не все пациенты, только увеличивает туман таинственности, ведет к «блужданиям в темноте» и не может быть радикальным методом лечения психоневрозов. Может быть, дело в том, что он не обладает необходимой техникой? И Фрейд едет в город Нанси к самому Бернгейму. Как писал впоследствии Фрейд в своей автобиографии, в результате поездки он «получил глубочайшее впечатление от того, что, возможно, существуют могучие духовные процессы, которые тем не менее остаются скрытыми от сознания человека»¹. Но, возвратившись в Вену, Фрейд все более и более убеждается в том, что лечение гипнозом мешает действительному исследованию причин невротических заболеваний.

И тогда ему вспомнился ставший впоследствии знаменитым «случай Анны О.» из практики его друга доктора Брейера. Молодая женщина заболела, ухаживая за своим умирающим отцом. Психическое расстройство мышления сопровождалось параличом. В бодрствующем состоянии Анна О. не могла связно рассказать о своих переживаниях, сопровождающих проявления болезни. Но с применением гипноза Брейеру удавалось добиться от пациентки последовательного воспроизведения тревожащих ее образов, представлений и мыслей. Оказалось, что травмирующие ее психику эмоции были непосредственно связаны с периодом болезни отца. Брейер сделал предположение, что в этот период у больной возникали различные желания, которые ей приходилось подавлять, вытеснять. Так, у Анны О. могло быть сильное желание танцевать, т. е. желание, имеющее определенный смысл. «Хочу танцевать», а не петь, не гулять и т. п. Правда, она не осознавала отчетливо смысла этого желания, когда ухаживала за умирающим отцом. Она избегала думать об этом, изгоняла *мысль* о танцах из области сознания, но желание не ушло совсем, не пропало бесследно. Паралич ног — вот следствие воздействия *смысла желания* на организм. Перед Фрейдом

¹ Цит. по кн.: Г. Уэллс, Павлов и Фрейд, Изд. иностр. лит., 1959, стр. 297.

все тот же вопрос о соотношении смыслового содержания наших психических процессов с телесными физиологическими процессами. Но Фрейд пока еще не пробует ответить на этот вопрос до конца. Он ошупью пробирается к соотношению, как говорили тогда, «физического» и «психического», вслепую подбирая метод для лечения истерии. Сам Брейер был уверен, что ему удалось найти метод лечения этой, в ту пору загадочной, беспричинной болезни. Брейеровский метод заключается в том, чтобы в гипнотическом состоянии заставить больного вспомнить все условия периода заболевания и чувства того времени. Как только больной, пусть «с запозданием», переживет то, что хотел, но по тем или иным причинам не смог пережить раньше, его болезнь пройдет, больной излечится полностью.

Много лет спустя Фрейд скептически заметит, что в случае с Анной О. больная *сама шла навстречу* истолкованию Брейером ее состояния. Но пока, после всех своих неудач, Фрейд, как счастливой находке, радуется брейеровскому методу. Он стал лечить этим методом своих пациентов и через два года уже мог привести еще четыре случая, подобных «случаю Анны О.». В 1895 г. совместно с Брейером он опубликовал книгу «Этюды по истерии». В этой книге авторы обращают внимание на существование бессознательных, вытесненных из области сознания психических процессов и вводят понятие «*психической энергии*». «Психическая энергия» становится первым и основным умозрительным понятием, которым Фрейд и Брейер пытались восполнить пробел в своих конкретных знаниях. Фрейду кажется ясным теперь, что *смысл* вытесненных и ставших бессознательными желаний определяет конкретное *содержание симптомов* (характерных признаков) невроза. В случае с Анной О. невыполненное желание *именно танцевать* привело к параличу ног. Смысловая связь здесь бросается в глаза. Осуществление воздействия бессознательных, вытесненных желаний на организм человека берет на себя психическая энергия.

Учитель Фрейда — Шарко указывал, что конкретные *идеи*, овладев психикой пациента, могут оказывать болезнетворное влияние. Фрейд возвращается к